

Шебекино и Шебекинский район в 1920 – 1930-е гг.

Закончилась гражданская война. Разоренная, голодная, истощенная страна стояла перед никем в истории не изведанным путем социалистического строительства. Глубочайший кризис охватил все стороны общественной жизни. В управлении промышленностью и сельским хозяйством по-прежнему господствовали методы «военного коммунизма».

В 1920 г. в ведении заводууправления Шебекинского сахарного завода находились национализированные земли бывших экономий хозяйства Ребиндеров. Также завод дополнительно урезал себе еще и земли личных крестьянских хозяйств близлежащих сел, заняв их посевами сахарной свеклы. Для обработки посевов в обязательном порядке привлекались крестьяне окрестных сел. Подобный принудительный труд оказался крайне неэффективным. Большое количество посевов осталось не обработанным, и уже к началу октября на трех сахарных заводах Шебекинской волости не хватало сырья для производства сахара.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Белгородский уездный исполнительный комитет отдал приказ о взятии на учет всех посевов свеклы, в том числе и личных крестьянских и об обязательной сдаче их на заводы.

На свободную торговлю был наложен запрет. В результате торговые связи нарушились, и приток промышленных товаров в села прекратился. Рвались традиционные связи между городом и деревней. Продолжающаяся продразверстка привела к острому недостатку семенного фонда, значительному сокращению посевных площадей хлеба, а также уменьшению численности скота.

К хозяйственной разрухе прибавилась чума крупного рогатого скота. Значительный падеж скота был отмечен в Шебекинской, Зимовеньской, Неклюдовской и Купинской волостях. К тому же в Шебекинской волости с декабря 1919 г. бушевала эпидемия сыпного тифа. К весне 1920 г. из 3 090 жителей с. Шебекино болело 280 человек¹.

Следствием проведения политики «военного коммунизма» в стране стали голод и крестьянские восстания, официально именовавшиеся «кулацкими мятежами». В мае 1920 г. отмечены крестьянские волнения в с. Белое (Белянка) Зимовеньской волости, а 30 сентября был обстрелян продотряд в с. Верхнее Березово. В сложившейся обстановке участились и случаи индивидуального террора против руководителей местных органов Советской власти и коммунистов. В октябре 1920 г. был убит заведующий Неклюдовским волостным земельным отделом коммунист Боровской².

Но, несмотря на сопротивление со стороны крестьян большевикам удалось выполнить план хлебопоставок государству, что подтверждает сводка за 1920 г. по Белгородскому уезду: «Хлебная разверстка кончена с избытком»³.

В это же время в селах предпринимаются попытки создания сельскохозяйственных коммун. В Шебекино по указанию председателя волисполкома

И.В. Травенко организовывается сельхозкоммуна «Красная Звезда», в которую вступило шесть крестьянских бедняцких семей. Члены коммуны с согласия Шебекинского волисполкома начали самовольный захват земель житочных крестьянских хозяйств. Обиженные землевладельцы командировали своих представителей в Белгород, Курск и даже Москву «для выяснения о земле, отрезанной коллективом «Красная Звезда» в количестве 52 десятин, принадлежащей гражданам с.Шебекино»⁴.

В 1921 г. кризис сельского хозяйства в стране усугубила сильная засуха на Украине и в Поволжье. Разразившийся голод унес 5 млн. человеческих жизней. Одной из важнейших причин этого явилась политика государства, приведшая к катастрофическому положению сельского хозяйства страны.

В сентябре 1921 г. в Шебекино прошел волостной партийный съезд, который принял решение «о добровольном сборе пожертвований голодающим Поволжья». Где силой, а где и угрозами, постановление съезда было выполнено.

В феврале 1921 г. в Шебекино состоялась волостная беспартийная конференция. Делегатами ее были 52 крестьянина и 2 рабочих сахарного завода. Конференция обсуждала вопросы, связанные с подготовкой предстоящей посевной кампании. Немногочисленная большевистская фракция, состоявшая в основном из работников руководящего аппарата, выступила за коллективное возделывание земли, то есть за коммуны с их уравнительной системой распределения и обобществлением всего имущества и скота. Подавляющая же часть делегатов от крестьян выступила против коммун, выдвинув лозунг «Земля для тех, кто ее обрабатывает». В крестьянской среде усиливалось негативное отношение к большевикам.

В 1921 г. на территории волости действовали несколько банд: некоего Лакея в с. Логовое, Бузы в с. Дмитриевка, Шапранова в с. Яблочково, Совы в с. Купино, Ачкасова в селах Зимовное и Поляна, Санина и Маслова в селах Сурково и Первое Цепляево. Последние убили секретаря Сурковского сельского Совета. В этом году погибли также председатели сельских Советов И.Д.Кашкаров (с. Крутой Лог) и Шейко (с.Новая Таволжанка). В с. Зимовенька было совершено нападение на отряд коммунистов Ржевского сахарного завода. Погибли председатель завкома А.Т.Шутьев, секретарь завкома Н.А.Чеботарев, Е.З. Стебловский и председатель Маломихайловского сельского Совета А.П. Гончаров⁵. Для борьбы с вооруженными бандами создавались отряды самообороны.

Тем временем в центральных областях страны разрасталось крупное крестьянское восстание под предводительством Антонова, названное антоновщиной, под лозунгами: «Власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!», «Свобода торговли!». В связи с этим ноябре 1921 г. на Белгородчине было введено военное положение.

Так сама жизнь подвела черту под политикой «военного коммунизма».

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о замене продразверстки натуральным продналогом. С введением продналога, который был меньше продразверстки и объявлялся заранее, у крестьянина появились излишки. Он получил возможность свободно ими распоряжаться, т.е.

торговать. Свобода торговли вела к разрушению государственной монополии не только в распределении сельхозпродуктов, но и в управлении промышленностью в городе. Зажатые в государственные тиски промышленные предприятия переводятся на хозрасчет, который давал возможность постепенного перехода на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление. Предприятия могли по своему усмотрению распоряжаться частью своей продукции. Многие предприятия отдавались в аренду кооперативам, товариществам или частным лицам. Тем самым отменялся декрет о национализации всей мелкой и кустарной промышленности. Мелкие и некоторые средние предприятия возвращались прежним владельцам. Арендвались помещения и целые предприятия в городе, земля и техника в сельском хозяйстве.

Введенная новая экономическая политика (НЭП) предоставила организационную экономическую свободу человеку, дала возможность проявить инициативу и предприимчивость.

В 1922 г. уездное земельное управление изучило вопрос о том, какое влияние на массу крестьянских хозяйств оказали коммуны и артели. Оказалось что из-за отсутствия в достаточной степени средств, а также инвентаря коммуны оказать влияние на крестьянские хозяйства, как мощные образцовые единицы, не могли. Так что опыт шебекинской коммуны «Красная Звезда» оказался неудачным. Ее пришлось распустить в 1921 г. по указанию того же И.В. Травенко.

В Шебекинской волости часть национализированной земли передавалась в аренду крестьянам, которые обязались частично засеять ее сахарной свеклой. Например, в 1921 г. Шебекинский сахарный завод выделил крестьянам села 250 десятин земли, из которых 50 десятин они обязались занять под свеклу. Выращивание этой технической культуры – процесс трудоемкий. Чтобы как-то заинтересовать крестьян, завод пытался расплачиваться с ними мануфактурой, стоимость которой в среднем в 3 раза превышала цены сельхозпродукции.

Постепенно обстановка в стране стабилизировалась. Прекратились мятежи и восстания. Оживилась торговля на рынках и в частных лавках. Появились частные мастерские и отдельно работающие ремесленники. Крестьяне повезли свою продукцию в город.

Во многом благодаря введению новой экономической политики страна постепенно выходила из кризиса. Уже к 1925 г. был восстановлен довоенный уровень производства. Заработала промышленность. Стала крепнуть деревня. В 1923 г. доля частного составляла 52% товарооборота. Рост крестьянских хозяйств предпринимательского типа стал особенно заметен в 1925 - 1927 гг. Число бедняцких хозяйств в то время уменьшилось до 20 – 25%. Устанавливается относительное рыночное равновесие. Новая экономическая политика начала давать положительные результаты.

В начале 1920-х гг. в Шебекинской волости предпринимаются попытки создания коллективных хозяйств. Организуется совхозы: в с. Ржевка на базе имения и земель помещика Рыжова, в Батрацкой Даче на базе экономии Ребиндеров «Чумичева Дача». В 1925 г. был создан свекловодческий коопера-

тив «Объединенный свеклосев» в с. Шебекино, располагавший тракторами и помогавший крестьянам техникой и семенами⁶.

В конце 1920-х гг. в повестку дня сама жизнь поставила задачи индустриализации страны и реконструкции экономики. Индустриализация требовала крупных капиталовложений. Их могли дать товарные хозяйства крепких крестьян, в том числе кулацкие.

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б). Он ознаменовал переход к планово-распределительной системе управления в связи с принятием директив пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу плана были заложены высокие темпы индустриализации, наступление на частнокапиталистические элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни. На съезде шла речь о развитии всех форм кооперации. Ни сроком, ни тем более единственных форм и способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал.

Набиравший силу во второй половине 1920-х гг. «большой скачек» в индустриализации повлек за собой крутой перелом политики в деревне — коллективизацию.

В конце 1927 г. в стране возник кризис хлебозаготовок, сокращение которых создавало угрозу планам промышленного строительства. Цены на сельскохозяйственные продукты были снижены, тогда как на промышленные товары они оставались относительно высокими. Промышленность, направившая свои усилия на нужды индустриализации, не могла обеспечить расширение спроса. Крестьяне задерживали продажу излишков хлеба государственным органам. Государственные и кооперативные магазины и лавки оставались пустыми или были заполнены не пользующимся спросом товаром. Добавились слухи о надвигающейся войне, которые увеличивали ажиотажный спрос. В продовольственном снабжении городов наступило резкое ухудшение. План хлебозаготовок 1927 – 1928 гг. оказался невыполненным.

Одной из причин этого явились ошибки, допущенные хозяйственными органами, снизившими закупочные цены на хлеб. Определенную роль сыграло и сознательное стремление зажиточных слоев деревни попридержать зерно из-за товарного голода. Сказалось и ухудшение их взаимоотношений с органами власти.

Однако снижение хлебозаготовок И.В.Сталин и подавляющее большинство членов ВКП(б) расценили как усиление классовой борьбы в деревне, саботаж «кулаков». Причиной тому определили слабый темп роста колхозов, способных заменить «кулака» как сдатчика хлеба государству.

Вопрос теперь стоял так: либо отказаться от взятых высоких темпов индустриализации, либо пойти на какие-то экстраординарные меры. Выход из сложившейся ситуации большинство руководства страны видело в нажиме на кулака и опоре на широкую бедняцкую массу.

Административно-силовые методы осуществления индустриализации переносились теперь на деревню. Власти приступили к принудительному изъятию зерна у крестьян. Отбирали не только товарные излишки хлеба, но и

запасы для потребления и посева. Отказавшихся продавать свой хлеб, привлекали к ответственности по ст. 107 УК РСФСР за спекуляцию и по ст. 61 за отказ от выполнения государственных заданий. В крестьянских хозяйствах производились повальные обыски и аресты. Имущество арестованных, скот, инвентарь изымались в пользу государства.

Страна стала поворачивать на уже знакомую дорогу продразверстки, но теперь уже в виде государственного планового задания. Торговля хлебом запрещалась. Появились заградотряды. Хлеб изымался. Этими мерами разрушалась сама природа крестьянского труда. Но в то время мало кто об этом задумывался.

Особенно широко и жестоко чрезвычайные меры применялись в хлебозаготовительную кампанию 1929 г., для проведения которой Шебекинский РК ВКП(б) мобилизовал 810 членов районного и сельского активов. Они обходили дворы, забирали хлеб и гужевым транспортом, так называемым «красным обозом», отправляли его на станцию. Проводилась также и реквизиция скота, что привело к резкому сокращению его численности. В ответ на это крестьяне пускали животных под нож – «все равно отберут, а так хоть что-то останется».

Вот о чем писали в то время газеты. Из статьи «Не дадим кулаку скрыть хлебные излишки» в «Белгородской правде» за 2 июля 1929 г.: «...При отказе от сдачи хлеба группы хозяйств и противодействии их применению хлебозаготовительного плана сельсоветы имеют непосредственно право возбуждать против этой группы лиц уголовное преследование по ст. 61 ч. 3 УК РСФСР. В таких случаях суд может вынести решение о лишении виновных свободы на срок до 2 лет с конфискацией всего или части имущества и выселении из данной местности»⁷.

В ответ на эти меры росло сопротивление крестьян. Нередко дело доходило и до вооруженных столкновений. Белгородские власти летом 1929 г. вынуждены были признать значительное увеличение «преступлений террористического характера, совершенных исключительно в связи с мероприятиями по хлебозаготовке»⁸. В сводке Белгородского окружкома ВКП(б) о настроениях крестьян в селах сообщалось: «Многие крестьяне говорят, что когда же этому будет конец: на заем пишешь, сельхозналог плати, страховку плати, хлеб собирают, а нам ничего не дают, мы ходим раздетые и разутые... Зачем нам теперь много сеять, все равно хлеб забирают... В 1927 – 1928 гг. Советская власть действовала правильно, мы были рады: куда ни пойдешь в город – всюду все было, а в этом году ничего нигде нет»⁹. А вот мнение одного пастуха, отраженное в той же сводке: «Вы описываете имущество кулаков и забираете у них хлеб, а все село остается без хлеба. Нам, беднякам, до нового урожая нигде хлеба не дадут. Пусть они, по-вашему, кулаки, но они нам всегда давали хлеб и по дешевой цене, и даже в долг – без денег»¹⁰. Таким образом, проводимая властями кампания по «раскулачиванию» ударила и по неимущим крестьянам.

Об умонастроениях того времени свидетельствует и заявление крестьянина с. Нежеголь Шебекинского района М.П. Нутова: «Хлебозаготовка нам

не нужна – хлебозаготовки истощили крестьянство»¹¹.

В этот период предпринимаются новые попытки наступления на «кулака» как главного производителя сельхозпродукции. В связи с этим Шебекинский РК ВКП(б) принимает решение об обязательном стопроцентном выполнении «кулаками» хлебопоставок, резко увеличенных государством. В случае невыполнения они облагались налогом в пятикратном размере. Не выполняя задания, крестьяне автоматически попадали под уголовную ответственность, а это означало выселение за пределы села, района, а то и дальше.

К весне 1929 г. завершилась высылка «кулаков» с.Купино, большая часть имущества которых была передана в образованный там колхоз им.Сталина, объединивший 16% крестьянских хозяйств. «Кулаки» были согласны на все, лишь бы не покидать родные места. Они тщетно пытались доказать свою «непричастность к кулацким элементам»¹².

Действия государственного репрессивного механизма давали свои результаты. Вот тому пример. 13 октября 1929 г. в День коллективизации крестьяне с.Большетроицкое «красным обозом» сдали государству 40 тыс. пудов зерновых культур¹³.

В целом план хлебозаготовок по Белгородскому округу к июлю 1929 г. был выполнен на 66,8%, а к декабрю – уже на 108%.

В это же время в районе принимаются попытки создания коллективных хозяйств. Еще в июле 1928 г. в Шебекино состоялась I-я районная партийная конференция. На повестке дня стоял вопрос о создании в районе колхозов и комитетов бедноты. В их задачу входила активизация организации колхозов и оказание силового давления на сопротивляющихся этому крестьян. К декабрю 1928 г. в районе действовало уже 17 таких комитетов¹⁴.

На тот момент в Белгородском округе насчитывалось 42 сельхозартели и 255 товариществ по совместной обработке земли (ТСОЗ). В Шебекинской волости существовало несколько ТСОЗов (с. Купино, с. Чураево, с. Крапивное, с. Муром и др.) и колхозов («Коминтерн» в с. Шебекино). Хотя колхозы составляли лишь незначительную часть крестьянских хозяйств, большинство руководства партии видело в них единственную форму кооперации, считая, что таким хозяйством легче управлять, определяя сроки выполнения заданий с точностью до месяца. Отношение большинства крестьян к такого рода объединениям было крайне негативным.

Всего в Шебекинском районе тогда насчитывалось 13 000 крестьянских хозяйств, из которых только 500 значились беднейшими. Крестьяне содержали 9 239 коров и 4 429 свиней¹⁵.

Кампания по коллективизации набирала темпы. Следуя установкам Шебекинского РК ВКП(б), в районе на базе кооперативов и товариществ создается несколько колхозов: «Революционная Заря» (с. Крапивное), «Трудовик» (с. Муром), «Авангард» (с. Большетроицкое) и другие.

Государство пыталось поддержать коллективные хозяйства, оказывая им некоторую помощь: кредитовало, снабжало машинами и орудиями труда, предоставляло налоговые льготы, передавало лучшие земли. Но даже подобные меры позволили в 1929 г. охватить колхозами в Шебекинском районе

лишь 16,6% крестьянских хозяйств, а в Большетроицком – 28%¹⁶.

Летом 1929 г. И.В. Сталин выдвинул лозунг о «сплошной коллективизации». По решению коллегии Наркомзема РСФСР в декабре того же года Белгородчину объявили «зоной сплошной коллективизации». Ответственность за ход и итоги коллективизации возлагалась на местные партийные и советские органы. Для оказания помощи в коммунистическом преобразовании деревни руководство страны послало туда 25 тысяч промышленных рабочих, в первую очередь коммунистов, которых стали именовать «двадцатипяти тысячниками». Началось принудительное обобществление домов, мелкого скота и даже домашней птицы. За отказ вступать в колхоз человека лишали избирательного права («лишенцы») и раскулачивали, т.е. конфисковывали имущество и лишали свободы. Подобные меры позволили в кратчайшие сроки значительно увеличить процент охвата колхозами крестьянских хозяйств.

В нашем районе в это время были организованы колхозы: «Красный партизан» (с. Вознесенка), «Веселе життя» (с. Маломихайловка), «День урожая» (с. Новая Таволжанка), «Красный Октябрь» (с. Устинка), «Профинтерн» (с. Чураево), «Октябрьская нива» (с.Архангельское), «Памяти Ленина» (с. Верхнее Березово). В с. Логовое образовалось сразу четыре колхоза, а в с. Булановка - семь («Ворошилов», «Большевик», «Новая Алексеевка», «Буревестник», «Морская тишина», им.Калинина и «Красный труд»). И этот список можно продолжить.

В ноябре 1929 г. в «Правде» публикуется статья И.В. Сталина под названием «Год великого перелома». В ней говорилось, что «крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями районами». К началу января 1930 г. в колхозах числилось 20% крестьянских хозяйств, а к началу марта – уже свыше 50%. Неудивительно, что при таком принципе «добровольности» они появляются в большом количестве. А вскоре был нанесен решительный удар по «кулакам».

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Постановлением предписывалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельхозпродукции и семенных запасов. Хозяйственное имущество и постройки передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации. В этот же день все местные партийные организации Белгородчины получили по телеграфу текст данного постановления. С этого момента запрещалось принимать в колхозы кулацкие семьи. Таким образом, происходил переход от политики ограничения и вытеснения кулака к политике ликвидации его как класса. Если «военный коммунизм» только отнимал хлеб у крестьянина, а свобода пахать и сеять все-таки оставалась, то теперь земледелец был лишен и этого.

В соответствии с инструкциями, поступившими из центра, «кулаки» делились на три категории. К первой относился «контрреволюционный актив» –

участники антисоветских антиколхозных выступлений, которые подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны. Ко второй – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации», которых выселяли вместе с семьями в отдаленные районы страны. К третьей категории причисляли «остальную часть» кулаков, которых расселяли специальными поселками в пределах районов своего прежнего проживания.

Для проведения операций по раскулачиванию в краях, округах, районах и сельских Советах были созданы специальные комиссии. Им вменялось в обязанность устанавливать категории «кулацких» хозяйств, составлять списки крестьянских хозяйств, подлежащих раскулачиванию, проводить учет и передачу имущества и средств производства колхозам и финансовым органам. Однако на практике раскулачивание в подавляющем большинстве проводилось произвольно, путем применения административных методов.

4 февраля 1930 г. состоялся IX Пленум Белгородского окружного комитета ВКП(б), на котором с докладом «О задачах партийной организации по ликвидации кулака как класса» выступил первый его секретарь П.Я.Павловцев. В качестве административных мер для осуществления на практике намеченной программы предполагалось следующее:

«Кулаков, отнюдь, не допускать в колхозы, кулаков, проникших в колхозы обязательно исключать из колхозов, лишив их земли, сельхозинвентаря, скота, построек.

Кулацкие хозяйства выселять на отдельные земли, вне колхозов, отнюдь не допуская нарушения севооборота по колхозам или ущерба землеустройству колхозов.

Списки на внутреннее расселение и выселение намечаются сельсоветами и утверждаются РИКами, но проводят все это только органы ГПУ»¹⁷.

Массовые операции по ликвидации «кулаков» начались в феврале 1930 г. Были задействованы тысячи партийных, советских и хозяйственных работников, мобилизован гужевой и железнодорожный транспорт.

Существовало директивное письмо от 14 февраля 1930 г секретаря Белгородского окружкома ВКП(б) П.Я. Павловцева адресованное районным комитетам партии: «Предлагается обеспечить конспиративность решений партии в вопросе раскулачивания и категорически воспретить публикацию в печати и стенгазетах фактов репрессий, особенно в части применяемых высших репрессий к кулакам»¹⁸. Мероприятия по раскулачиванию старались проводить по ночам. Масштабы репрессий тщательно скрывались. Лишь десятилетия спустя открылась горькая правда тех страшных лет.

В тот год были раскулачены и приговорены к высшей мере наказания жители с. Логовое И.С. Подставкин, И.Ф. Унковский, Е.Ф. Подставкин, Я.Л. Унковский, жители с. Маслова Пристань В.Ф. Жихарев, А.Н. Малахова, Е.Г. Хлыстов, И.А. Кошкарлов, К.И. Ефимов, Я.А. Беспарточный и многие другие. Также раскулачены и приговорены к различным срокам исправительно-трудовых лагерей Е.Е. Цибульников (с. Бершаково), А.Г. Фролов (с. Чураево), Т.И. Тарасов (с. Кошлаково), И.М. Санин (с. Сурково). В с. Шебекино на

одном из заседаний комитета бедноты подвергли раскулачиванию купца Ф.Д.Озерова и жителей этого села М.С. Коробкина, Чередникова и других¹⁹. А еще были сотни крестьянских семей, лишенные крова и высланные из родных мест.

Крестьяне, отправляемые в «кулацкую ссылку» назывались спецпереселенцами. Их вывозили в малонаселенные, часто почти не пригодные для жизни районы Урала, Сибири, Казахстана и Северного края. Многие погибли во время транспортировки. Труд спецпереселенцев использовался в лесной и горнодобывающей промышленности, а также частично в сельском хозяйстве. Жили они в поселках, мало чем отличавшихся от концлагерей. Неустроенный быт, голод, тяжелый труд делали жизнь этих людей невыносимой. Очень высока была смертность, особенно детская. Вымирали целыми семьями.

На руководителей сельсоветов, председателей колхозов, которые уверяли, что в их деревне кулаков нет, навешивали ярлыки «подкулачников», «двурушников», «правых оппортунистов». Поэтому «кулаков» находили и среди учителей, и среди середняков и бедняков. В декабре 1930 г. в с.Купино работала выездная судебно-прокурорская бригада. Она провела аресты среди руководства сельских Советов сел Купино, Репное, Дмитриевка, Шебекино²⁰. В это же время Советская власть предприняла наступление на религию. В Шебекинском районе в с. Нежеголь была разрушена деревянная церковь Святого Покрова, являющаяся уникальным памятником истории и деревянного зодчества XVII века. Такая же участь постигла церковь иконы Тихвинской Божией Матери в с. Шебекино, храмы в Устинке и Зимовном. Закрыли церкви в селах Муром и Маслова Пристань. Нередко в храмовых помещениях открывали школы, клубы, а иногда их просто использовали в качестве складов и хранилищ для зерна. Подверглись раскулачиванию и служители церкви. Среди них М.А. Терновский (с. Козьмодемьяновка), С.П. Калугин (с. Зимовное).

Результатом подобной борьбы воинствующих атеистов с религией стала утрата многих памятников архитектуры XVIII – XIX веков. В нашем районе чудом сохранилось лишь несколько церквей.

Прокатившаяся в начале 1930-х гг. волна крестьянских выступлений обеспокоила руководство партии. 2 марта 1930 г. в печати появилась статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», осуждавшая перегибы и подчеркивавшая необходимость соблюдения принципов добровольности коллективизации. При этом вся ответственность за допущенные «искривления» была возложена на местное руководство. Несколько позднее появилось постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

В связи с этим постановлением на расширенном пленуме Шебекинского райкома (22 марта 1930 г.) с докладом «Об очередных задачах колхозного строительства» выступил всё тот же П.Я. Павловцев. Он заявил: «В Белгородском округе есть немало искривлений и ошибок. Есть такие товарищи, которые уверяют, что у них все хорошо... А на проверке оказывается, что

выстроен вместо колхоза картонный домик, готовый каждую минуту рассыпаться. Поднаперли, поднажали, покомандовали – сплошной колхоз! А потом массовые заявления о выходе и паника руководства.

Немало перегибов допущено с раскулачиванием. Особое же зло – это командование мужиком, грубое обращение с ним...

Нужно честно сознаться в своих ошибках и открыто, а не тайком их исправить. Основным в настоящее время является большевистское признание всех ошибок, допущенных при коллективизации и немедленное их исправление»²¹.

На пленуме было принято решение отказаться от «головотяпского перетаскивания» крестьян от артельной формы к коммуне, от закрытия церквей и базаров, обобществления мелкого скота и птицы, ликвидации приусадебных участков.

Тем не менее, темпы коллективизации, согласно постановлению, необходимо было закрепить. П.Я. Павловцев в своем докладе на пленуме Шебекинского райкома подчеркивал: «Некоторые увлеклись успехами раскулачивания и думают, что классовая борьба в колхозах закончена. Это в корне не верно. Кулак ведет активную, решительную борьбу и нам предстоит здесь проделать огромную работу». Признав, в целом, принцип добровольности вступления и выхода из колхоза, он все же отметил, что «...мы решительно против такой добровольности, которая может разрушить колхоз, которую стремится навязать нам кулак»²².

Как и повсюду, в Шебекинском районе вскрылись вопиющие факты произвола и личной корысти активистов колхозного движения. Газета «Пламя» от 15 марта 1930 г. писала: «Конфискованное имущество раскулаченных распределяли без всякого ведома. Чечин (председатель Пристенского с/совета) переехал в кулацкую хату, имея свое хозяйство, Савостин (председатель колхоза с.Пристеня) тоже из своего дома переехал в новый кулацкий, Анохина (родственница обоих) не только переехала в освободившийся дом, но и пользуется по своему усмотрению всем конфискованным добром этого дома. Колхозу конфискованное имущество не передано и распределяется между своими». Подобные «искривления» случались и в других селах.

«Прилив» резко сменился «отливом». Крестьяне в массовом порядке бежали из колхозов. Весной 1930 г. в с. Купино родственники высланных «кулаков» забрали из колхоза лошадей, скот и сельхозинвентарь. Колхоз в с. Чураево объединял около 25% хозяйств. В с. Муром из более чем 300 крестьянских хозяйств в колхозе осталось лишь 18. Даже к 1932 г. там удалось коллективизировать лишь 55% хозяйств. Начались серьезные конфликты из-за земли. Колхозы оставляли за собой лучшие земли, остальное отдавали единоличникам, а те в свою очередь требовали обратно свои наделы и урожай.

После этих событий в Шебекинском районе 4/5 крестьянских хозяйств стало единоличными. Естественно, что такое положение не устраивало партию.

Наступило кратковременное «затишье», своеобразная стабилизация, когда «низы» добровольно не хотели возвращаться в колхозы, а растерявшиеся «верхи» на местах не решались начинать новое наступление на крестьян. Но посте-

пенно процесс массового выхода из колхозов при помощи чрезвычайных мер был остановлен. Количество коллективных хозяйств постепенно увеличивалось. 27 сентября 1930 г. в Шебекино состоялась IV партийная конференция, давшая установку на форсирование темпов сплошной коллективизации в районе.

Еще весной 1930 г. при сахзаводе «Профинтерн» на базе тракторной колонны Шебекинского машинного товарищества организовали первую в районе машинно-тракторную станцию (МТС). В своем распоряжении она имела 68 тракторов. Шебекинская МТС обслуживала техникой колхозы Шебекинского, Волчанского и частично Большетроицкого районов. В 1932 г. была создана Зиборовская МТС, а в 1937 г. – Полянская.

Следует отметить, что МТС являлись государственными организациями и выполняли не только технические функции, но и осуществляли идеологическое и политическое руководство колхозами, так как последние полностью от них зависели. Более того, в 1933 г. при МТС и совхозах появились так называемые политотделы, которые проводили чистку кадров среди руководства колхозов и МТС. Просуществовали они до 1935 г.

Анализируя техническую оснащенность сельского хозяйства того времени, уместно напомнить, что в 1928 – 1929 гг. в целом по стране тракторам принадлежало 2,5% энергетических мощностей, а рабочему скоту – 94,8%. В 1929 г. не выходило и по одному трактору на двадцать колхозов. Даже в 1934 г. только один трактор приходился на два колхоза.

1930-й год дал высокий урожай, что позволило увеличить государственные заготовки зерна. 15 – 25 октября в стране объявили Днями урожая. В Шебекинском районе они проходили под лозунгом «За десять дней удвоить ряды колхозников!», что и выполнили ровно за десять дней, как того требовал райком партии²³.

В ноябре на очередном пленуме Шебекинского РК ВКП(б) подводились итоги «сплошной коллективизации». Они впечатляли. Из архивных документов: «Хлебозаготовительный план нашего района на 1 ноября выполнен на 100,8%. Выдвинутый сверх этого встречный план хлебозаготовок, составляющий 20 % годового плана, в основном тоже выполнен. Кроме этого, силами шебекинского комсомола к XVI Международному юношескому дню (5 сентября) было организовано «красных обозов» в количестве 30 тысяч пудов, к 13-й годовщине Октября было организовано 6 «красных обозов». В данный момент наш район коллективизирован на 29%»²⁴.

В феврале – марте 1931 г. началась новая волна раскулачивания. Страна покрылась сетью лагерей, поселками «спецпереселенцев». Оторванные от земли сотни тысяч хлеборобов становились бесплатной рабочей силой на стройках пятилетки - каналы Москва-Волга и Беломоро-Балтийский. Тяжелая участь постигла Я.А. Купина (с. Купино), А.А. Толстого (с. Доброе), Ф.П. Новикова (с. Сурково), М.Д. Выродова (с. Верхнее Березово), И.В. Подлегаева (х. Ломовка), которые были раскулачены и вместе с семьями высланы за пределы района. Это лишь некоторые имена из очень длинного списка жертв раскулачивания.

В сводке ОГПУ от 23 июля 1932 г. говорилось об «ухудшении политнастроения части колхозников», «росте массовых выходов из колхозов, разборе

скота, имущества, сельхозинвентаря», «усилении тенденции к индивидуальному сбору урожая», «самочинном захвате и разделе в единоличное пользование земли и посевов», «продолжении многочисленных случаев отказа от работы целых групп колхозников, мотивированных отсутствием хлеба и неналаженностью общественного питания на полях»²⁵. Такими сводками обосновывалось применение против колхозников уже проверенных мер воздействия – репрессий.

Насилие порождало ответное насилие. Начался террор против активистов Советской власти. Только в одном с. Устинка в июле 1931 г. ранили председателя сельского Совета П.А. Панова, в ноябре убили председателя сельского суда Г.А. Молчанова, а в августе 1932 г. – председателя колхоза «Красный Октябрь» З.А. Лазарева.

Несмотря на сопротивление крестьян, численность единоличных хозяйств постепенно сокращалась. Если весной 1930 г. в Шебекинском районе существовало 43 колхоза, то на начало 1931 г. их стало 47, а к июлю 1931 г. – 59. Осенью 1931 г. уже 70 % крестьянских хозяйств района оказались в колхозах. Следующий 1932-й год был объявлен «годом сплошной коллективизации».

Работали в колхозах за трудодни – так называемые «палочки». На один трудодень полагалось по 48 кг хлеба. Чаще всего свой заработок колхозники получали раз в год после уборки урожая и полного расчета хозяйства с государством. Так как урожаи в колхозах были низкие, а нормы госпоставок обязательные, то колхозникам мало что оставалось. Например, в 1932 г. в Шебекинском районе на один трудодень выходило по 2,2 кг хлеба, а в 1933 г. – по 4. Даже в 1939 г. в с. Ржевка на трудодень выдавалось по 4 кг хлеба. И это считалось хорошим показателем²⁶.

В связи с этим усилился поток жалоб крестьян в ЦИК СССР «на невозможность существования в колхозах людям с большой семьей при наличии малолетних, стариков и нетрудоспособных»²⁷. В ответ на это правительство направило репрессии теперь уже против колхозного крестьянства.

Местное руководство обвинили в том, что оно позволяло колхозам до сдачи хлеба государству создавать фонды для собственного питания, фуражные, страхования, и что в колхозы пробрались враги, которые используют их для борьбы против Советской власти.

На фоне «сплошной коллективизации» зимой 1932 г. разразился невиданный голод. Он охватил зерновые районы Украины, Дона, Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала, Казахстана.

Все что можно было взять из деревни в урожайном 1930 г., государство выкачало. После чего хлеба в колхозных закромах фактически не осталось. Произвести расчет с колхозниками было нечем. В стране голодало около 30 миллионов человек. Руководство страны пыталось скрыть масштабы трагедии. Упоминание слова «голод» расценивалось как уголовное преступление, которое каралось 3 – 5 годами тюрьмы. В этом же году за границу было вывезено около 18 млн. центнеров зерна для получения валюты на нужды индустриализации. А от голода в стране погибло около 7 миллионов человек. Хотя утверждать точно нельзя. Возможно, жертв было гораздо больше.

«...Я брала вещи, ездила в район Орла, меняла на продукты, там такого

голода не было. Тем и выжила. Бывало едешь на поезде, а у некоторых сил нет на ступеньки забраться. Очень много мертвых было на вокзале и в Курске, и в Белгороде. Машины соберут кучу мертвых и сваливают во рвы за городом, и так целый день. Активисты ходили по хатам с уполномоченным, последнее зерно выгребали, а у меня козу забрали за неуплаченный налог», - вспоминала жительница с. Кривцово Белгородского района²⁸. Люди пухли от голода. Умиряли целыми деревнями. Порой и хоронить было некому.

Голод приостановил коллективизацию. Стали распространяться мнения о пересмотре политики в деревне. Предлагалось расширить личные подсобные участки, разрешить иметь двух коров. Однако руководство страны в июне 1934 г. объявило о начале нового, завершающего этапа коллективизации. Были повышены ставки сельхозналога с единоличников. На 50% увеличиваются нормы обязательных поставок государству по сравнению с колхозниками.

К январю 1934 г. в Шебекинском районе числилось в колхозах уже 83% крестьянских хозяйств. Всего в годы коллективизации в Белгородском округе подверглось раскулачиванию 3690 крестьянских хозяйств.

2004 год

¹ Поясов С.А. Шебекино: историко-краеведческий очерк. – Шебекино, 1970. – С. 75.

² Кузюлев Н.Н. В тылу, как на фронте // Красное знамя. – 1985. - 26 января.

³ Поясов С.А. Указ. соч... - С. 75.

⁴ Там же. – С. 72.

⁵ Мальцев Н.Я. Этого не забыть. – ШИХМ КПНВ 555.

⁶ Поясов С.А. Указ. соч... - С. 85.

⁷ Белгородская правда. – 1990. - 17 июня.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Белгородская правда. – 1990. - 4 августа.

¹³ Белгородская правда. – 1990. - 17 июня.

¹⁴ Кузюлев Н.Н. Заботы райкома партии // Красное знамя. – 1985. - 1 июня.

¹⁵ Кузюлев Н.Н. Указ. соч...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Белгородская правда. – 1990. - 4 августа.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кузюлев Н.Н. Указ. соч...

²⁰ Кузюлев Н.Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам // Красное знамя. – 1985. - 23 октября.

²¹ Пламя. – 1930. - 26 марта.

²² Там же.

²³ Кузюлев Н.Н. Трудные дни становления // Красное знамя. – 1985. - 25 июля.

²⁴ ЦХДНИ. Ф – 592, Оп. I, д. 2, Л. 69.

²⁵ Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. – 1994. - № 10. – С. 34.

²⁶ Кузюлев Н.Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам // Красное знамя. – 1985. - 23 октября.

²⁷ Зеленин И.Е. Указ. соч... - С. 33.

²⁸ Черная сотня. – 1994. - № 6.